

К проблеме распределения в СССР

Анализ итогов 1928/29 г. в области цен

В задачу данной статьи, не входит исчерпывающее освещение основных моментов распределения в СССР. В ней сделана лишь попытка выявить соответствующую роль ценовых сдвигов на основе итогов 1928/29 г., дающих богатый материал для некоторых обобщений в частности и в отношении проверки утверждений правых о распределении дохода между городом и деревней. Естественно, что явления в области цен не могут быть рассматриваемы изолированно от всей системы распределения.

Политика цен, сложившаяся система цен, ее место в процессе воспроизводства упирается прежде всего в проблему распределения живого и мертвого труда в обществе.

Если в товарно-капиталистическом обществе труд распределяется в соответствии со стихийно складывающимися потребностями, возникающими в результате столкновения разрозненных товаропроизводителей, то в социалистическом обществе он распределяется в соответствии с социалистическим планом, на который элементы социальной стихии вовсе не оказывают никакого влияния, а в переходном обществе он распределяется в основном в соответствии с народнохозяйственным планом, учитывающим и стихийные тенденции.

Из этого основного различия в направлении, результате и способе распределения труда вытекают и остальные различия. Укажем здесь лишь некоторые отличительные моменты, имеющие непосредственное отношение к трактуемой нами проблеме.

Поскольку потребности общества выявляются и удовлетворяются через стихийный механизм спроса-предложения, естественно, что универсальной формой „обмена веществ“ в товарно-капиталистическом обществе является цена. Отражая степень удовлетворения стихийно возникающих потребностей, она в тенденции должна, в целях достижения относительного равновесия, соответствовать в среднем трудовым затратам на единицу произведенной продукции. Отклонения цен от этого среднего уровня (модифицирующегося на различных стадиях товарного хозяйства), влияя на рентабельность частного производства и являясь непосредственной причиной дополнительного передвижения живого и мертвого труда, в соответ-

ствии с соотношением спроса предложения. Эта рентабельность воздействует и на средний технический уровень производства данной отрасли (условия для функционирования худших предприятий).

В социалистическом обществе цена, как способ распределения ресурсов, заменяется планом. Распределение ресурсов осуществляется в соответствии плановым задачам предстоящего развертывания той или иной отрасли. Технический уровень предприятий данной отрасли определяется, исходя из интересов производительности народнохозяйственного целого.

В условиях советской экономики имеет место процесс трансформации механизма распределения труда в обществе. Поскольку народнохозяйственный план является основным регулирующим началом, постольку:

1) цена перестает быть универсальным способом распределения ресурсов;

2) распределение ресурсов через посредство цены проходит в основном в соответствии с народнохозяйственным планом (что должно резко влиять в сторону изменения пропорций распределения труда, распределения дохода, по сравнению с условиями товарно-капиталистического общества);

3) ценовые пропорции уже не обязательно должны даже и в тенденции совпадать с пропорциями трудовых затрат, особенно в социалистическом секторе, что не устраняет необходимости пропорционального распределения труда в соответствии с народнохозяйственным планом;

4) отклонения ценовых пропорций от среднего уровня трудовых затрат в значительно меньшей степени являются движущим мотивом к дополнительной передвижке труда;

5) на технический уровень производства в отдельных отраслях значительно меньшее влияние оказывает конъюнктура.

Критерием „оптимальности“ обмена для переходной экономики является соответствие распределения труда задачам народнохозяйственного плана построения социализма, т. е. быстрому темпу индустриализации (требующему и соответственной системы равновесия), обобществления и под'ема материального уровня основных масс производителей.

Следовательно, народнохозяйственный план требует своего специфического обмена веществ между отраслями.

Таким образом абсолютно неверно — рассматривать отклонение от довоенного соотношения цен на пром. и сел.-хоз. товары, как сколько-нибудь исчерпывающий показатель пропорций распределения ресурсов между отраслями. Осуществление же требования, под видом „восстановления эквивалентного обмена“, немедленного восстановления этого соотношения привело бы к крайне отрицательным социально-экономическим последствиям, резко обострив наличные диспропорции.

Следует помнить, что несоответствие меновых пропорций интересам капиталистических производителей (прибыль, конъюнктурная сверхприбыль), наиболее чутко и быстро реагирующих на цены, в значительной степени уже потеряло свое значение (ограниченность их оборотов, затрудненность перехода в другие производственные отрасли, социально-политическая обстановка).

В основном мы имеем отношения мелких товаропроизводителей и пролетарского государства, с его социалистической промышленностью, при наличии и капиталистических элементов в стране. Это предопределяет и условия меновых пропорций. Получение бедняцко-среднеземельными слоями значительного количества земли, резкое изменение в платежных обязательствах городу, новый, в корне измененный, сел.-хоз. кредит, снабжение средствами производства, агропомощь, коллективизация и вся совокупность мероприятий по снижению себестоимости в их хозяйствах, организующая роль контрактаций, отсутствие устремления к „прибыли на капитал“, как стимулу хозяйственной деятельности, или этих масс деревни при наличии этого стимула в частно-капиталистическом хозяйстве и т. д., — все это в корне меняет и условия для ценообразования. Если рост производительности будет приводить к тому, что основные массы деревни за единицу своего труда будут получать все большее количество благ, значительно повышающих их материально-культурный уровень, увеличивающих их энерговооруженность, — мы неизбежно будем иметь процесс интенсивного роста сельского хозяйства, денатурализации деревни.

Следует подчеркнуть, что установка пятилетнего плана заключается в постепенном улучшении ценовых пропорций для сел.-хоз. продукции, не путем повышения цен на сел.-хоз. товары, а путем значительного снижения цен на промтовары при одновременном несколько меньшем снижении цен на сел.-хоз. товары. Стимулирование сельского хозяйства не исчерпывается ценой, цена не единственный распределитель ресурсов, на ряду с ней действуют бюджет, кредит, плановое снабжение, роль которых должна все возрастать.

Цена имеет, по сравнению с другими распределителями ресурсов, свои специфические особенности, требующие снижения общего уровня цен. Это снижение, начинающееся с отраслей, производящих средства производства, является фактором под'ема производительности труда, оно влияет на снижение себестоимости, далее, оно является, наиболее благоприятным для народного хозяйства и условий его равновесия, способом повышения материального благосостояния трудящихся, оно благоприятно отражается на развитии необходимых денежных функций, оно улучшает баланс взаимоотношений с мировым капитализмом. Естественно, что повышение цен на сел.-хоз. товары сказывается неблагоприятно на материальном положении огромных масс трудящихся и используется верхушкой

деревни. Принцип дифференциальных цен не может быть достаточно широко распространен, между тем как налог, кредит, снабжение позволяют проводить строго-классовый принцип. Поэтому, при невозможности заметно снизить цены на промтовары, улучшение материального положения основных масс деревни может и должно в основном проходить по линии неценовых факторов (бюджет, кредит, снабжение). В этом случае изменение в распределении ресурсов между отраслями пройдет мимо системы цен, как например, увеличение завоза промтоваров в деревню, имевшее место в текущем году, или снижение сел.-хоз. налога.

Итак в цене отражаются условия воспроизводства — производительность труда, себестоимость, рыночные условия, классовые взаимоотношения, условия денежного обращения, взаимоотношения с мировым хозяйством.

Это отражение в цене условий воспроизводства означает тем самым и обратное воздействие цены на процесс воспроизводства: на распределение живого и мертвого труда, себестоимость, степень устойчивости денежного обращения, рыночное равновесие, распределение дохода и на развитие операций с внешним миром. Таким путем, цена и осуществляет обслуживание „обмена веществ“ в обществе.

Из вышесказанного следует, что эта роль цены в советских условиях радикально меняется. по сравнению с товарно-капиталистическими условиями: так, производственные условия отдельных отраслей уже не находят непосредственного точного отражения в цене, особенно, в обобществленном секторе — достаточно привести в виде примера разрыв динамики отпускных цен и динамики себестоимости по отраслям. Динамика цен отнюдь не определяет развертывание той или иной отрасли в пределах государственного сектора, ее роль в этом отношении ослаблена и для необобществленного производства; поскольку же эта роль цены сохранена, последняя выступает, в основном, как орудие планового воздействия на индивидуальные хозяйства. Возникающие здесь отклонения от плана не могут привести к изменению общего направления развития необобществленного хозяйства при условии правильности плановых установок. Рыночная конъюнктура влияет на цену значительно слабее, чем в условиях капитализма, отсюда и значительное ослабление роли цены, как стихийного регулятора рыночного баланса, хотя плановое воздействие на спрос и предложение через цену, естественно, в известной мере сохраняется.

Социальная структура СССР приводит к исчезновению таких категорий, как цена земли, а в пределах обобществленного сектора „цена производства“ земельная рента, различные формы прибыли; цена рабочей силы отрывается почти совершенно от спроса-предложения рабочей силы (хотя абсолютно это влияние еще не устранено например в строительстве). Капиталистические категории составляющие наиболее усовершенствованные части стихийного механизма

цен локализуется в ограниченных пределах капиталистического сектора, где за ценой еще скрываются категории прибыли (правда, эта прибыль подвергается огромному воздействию государства), дифференциальной ренты (например, дальние заезды мешочников за хлебом вызывали резкий рост дифференциальной земельной ренты от расстояния в кулацких хозяйствах).

В основном, цена уже становится орудием планового распределения доходов, в соответствии с классовыми задачами советского государства, хотя, вместе с тем, враждебные плану тенденции направлены к превращению ее во внеплановый перераспределитель дохода в противоположном направлении. Таким образом, в динамике цен отражается классовая борьба.

Условия денежного обращения, в частности эмиссия, также оказывают значительно более слабое воздействие на динамику цен. Курс нашего рубля в условиях нашей системы монополии внешней торговли как правило не оказывает влияния на динамику цен в СССР. Обратно, наличие плановых рычагов значительно ослабляет влияние динамики цен на устойчивость денежной системы. Огромную преобразующую роль в отношении денежной системы играет система нормированного снабжения. Наконец, цены мирового рынка на цены СССР влияют в ослабленной степени. Соотношение цен СССР и цен мировых оказывает ограниченное воздействие на развитие экспорта и импорта, поскольку экспорт и импорт сконцентрированы в одних руках и нерентабельность операций может быть компенсирована; однако, даже отсутствие компенсации не всегда служит препятствием к экспорту или импорту.

Все эти особенности, естественно, требуют соответствующего подхода к оценке системы цен в СССР в частности, соотношения цен пром. и сел.-хоз. товаров.

Эти изменения в природе цены в СССР должны быть поставлены в связь и с планированием процесса распределения материальных ресурсов.

Проблема распределения материальных и денежных ресурсов между отраслями хозяйства, между классами и социальными группами в СССР, естественно, является центральной, представляя огромный теоретический и непосредственно практический интерес. Анализ этого процесса распределения представляет собой оценку нашего народнохозяйственного плана и степени его осуществления. Процесс распределения ресурсов в условиях советской экономики, естественно, имеет (выражаясь сугубо условно) два русла денежный и натуральный, хотя и знаменующих две фазы процесса воспроизводства, но порой находящихся в наших условиях в известном противоречии. Это противоречие объясняется, между прочим, тем, что степень планового воздействия на процесс распределения в той и в иной форме и на тех или иных участках неодинакова. Так, например, очень высокому уровню планирования распределения новых средств производства,

где элементы планового снабжения, в основном, преобладают может противостоять, с другой стороны, накопление добавочных, сверх плана, денежных ресурсов от реализации средств потребления, благодаря сдвигам стихийного порядка в области цен, где роль планирования ниже. В капиталистических условиях денежный поток гораздо больше корреспондирует потоку материальных ресурсов, в социалистических — мы имеем единый материальный поток; в наших условиях экономическая политика государства, концентрирующего в своих руках подавляющую массу продуктов промышленности и огромную массу продуктов сельского хозяйства, может распределять их отнюдь не пропорционально распределению денежных средств (пример: классовый принцип снабжения сел.-хоз. машинами или нормированное снабжение продовольствием). Однако, такой разрыв натурального и денежного потоков и в наших условиях (поскольку деньги у нас еще не превратились в чеки) имеет свои границы. Задачей единого финансового плана, ведающего распределением денежных ресурсов страны, является приведение денежного потока в большее соответствие с материальным, направление которого определяется политикой быстрого темпа индустриализации и обобществления. Если цена, ценовые пропорции, имеющие огромное значение в распределении денежного потока, отражают уже, в основном, народнохозяйственный план, то они все же являются формой проявления и стихийных тенденций, вносящих существенные изменения в распределение денежных ресурсов и осуществляющих сильнейший нажим на систему распределения материальных ресурсов (например, воздействуя на пропорции натурального обмена во внутри-деревенском обороте, приобретение добавочного количества промтоваров и т. д.). Задачей бюджета и кредита, являющихся в большей степени, чем цена, формой проявления народнохозяйственного плана, является исправление тех результатов ценовых сдвигов, которые отклоняются от основного классового направления экономической политики. Бюджет, кредит, политика цен, заработная плата, финансы обобщественного сектора в целом должны все больше и больше синтезироваться в едином финансовом плане. Этот единый финансовый план должен, в свою очередь, все больше сливаться с планом распределения материальных ресурсов (плановое распределение в пределах обобщественного сектора, планы территориального размещения товаров, планы снабжения), а также со всей системой мер социально-политического воздействия на те или иные группы населения. Таким путем и может осуществляться у нас постепенная натурализация хозяйственных отношений.

Сделанные замечания, касающиеся некоторых особенностей процесса распределения в условиях СССР, позволяют перейти к анализу системы цен истекающего года.

Анализ системы цен, сложившийся в 1928/29 г., ее оценка, требует ее сопоставления с плановыми предположениями в области

цен. По контрольным цифрам в 1928/29 г. повышение цен предполагалось лишь по сел.-хоз. товарам и притом не во всех торговых звеньях. Оно должно было произойти на заготовительном рынке в общем, примерно, на 6% и на оптовом сел.-хоз. — также, примерно, на 6%. Кроме того, удорожание коммунальных услуг и расходов на культурные нужды должно было повысить бюджетный индекс на 2,8%. По линии промтоваров оптовый индекс должен был дать даже снижение на 1%.

В итоге, при повышении общего оптового и бюджетного индексов на 2,5—3%, должна была быть сохранена стабильность общего уровня розничных цен.

Такой системе цен корреспондировала проектировка прироста дохода, его распределения между городом и деревней, между различными слоями населения, проектировка роста номинальной и реальной заработной платы, темпа снижения себестоимости, проектировка баланса спроса и предложения (платежеспособный спрос деревни и т. д.).

Обратимся к итогам динамики цен за 9—10 месяцев текущего года и попытаемся увязать их с ходом процесса воспроизводства, процесса распределения народного дохода.

Намечавшееся по плану на 1928/29 г. — первый год пятилетки — повышение некоторых категорий цен и стабильность цен на промтовары широкого потребления означали временное отклонение от общей тенденции пятилетки в области цен — их общего снижения. Это отклонение, вызванное специфическими условиями 1928/29 г. (в частности, необходимостью повышения хлебных цен) фактически оказалось, однако, еще большим.

Истекающие 10 месяцев дали даже более значительный рост общего уровня розничных цен, чем 1927/28 г., в результате чего плановые предположения о стабильности общего уровня розничных цен не были осуществлены.

Общоторговый розничный индекс Конъюнктурного института (новый исправленный, с переменными весами) оказался выше, в среднем за 10 месяцев текущего года, на 6,1% среднего уровня соответствующего периода прошлого года; бюджетный индекс — на 7,9%. Каковы причины этого 6% повышения уровня розничных цен? Факт резкой неравномерности повышения уровня цен по различным группам товаров наталкивает на объяснение этого повышения цен производственно-рыночными условиями этого года.

Наиболее резкое повышение цен произошло по группе продовольственных товаров (хлеб, овощи, молочные, мясные, растительное масло, сахар); из непродовольственных товаров соответствующее значительное повышение произошло лишь по бумаге (резкий дефицит и отсюда рост вольных цен).

Чрезмерное отставание сельского хозяйства от спроса, особенно по линии продовольствия, сказавшееся и по линии недостатка сырья для

пищевой промышленности и недовыработки ее продукции против плана и было причиной повышения цен. Характерно, что и в обобществленной рознице цены на хлебные товары, на овощи, молочные, мясные дали заметное повышение. Следует подчеркнуть различие результатов воздействия рыночной конъюнктуры на обобщественную и на частную торговлю. Если вторая, отражая напряженную конъюнктуру продовольственных товаров, колоссально вздувала как продажные, так и свои заготовительные цены (была ведущим началом в повышательном движении), получая высокую конъюнктурную прибыль, если толчок к повышению цен здесь, главным образом, шел от реализации, то обобщественная торговля была сдерживающим началом в динамике цен. География урожая, акцизы и промналоги действовали в сторону повышения накидок.

Правильно было бы сделать вывод о том, что динамика вольных цен преувеличивала картину напряженности рынка (конъюнктурная сверхприбыль, нелегальные формы торговли, элементы спекулятивного риска и т. д.), а цены обобщественной торговли, благодаря плановым сдерживающим тенденциям, ее уменьшали.

Следует подчеркнуть, что процесс ценообразования в розничной частной торговле корреспондировал уже не только общему балансу спроса и предложения на том или ином рынке. Благодаря нормированному снабжению рабочих и служащих в обобщественной рознице и снятия некоторых категорий лиц с этого снабжения, стихийно сложился в известной мере замкнутый частный оборот, где покупателями у частных торговцев в значительной степени выступали эти категории лиц. Напряженность того или иного баланса спроса и предложения на вольном рынке, гнавшая вверх частнорозничный индекс, здесь зачастую не соответствовала состоянию снабжения тем или иным продуктом страны в целом.

Итак, причиной повышения цен сверх плановых предположений было обостренное продовольственное положение, кореняющееся в условиях сельского хозяйства, при чем эффективность этого обострения по линии цен не была предусмотрена планом. Это превышение плановых предположений по линии цен произошло:

1) благодаря тому, что обобщественный сектор сам превысил предположения по линии цен,

2) благодаря тому, что динамика цен частного рынка внесла соответствующие повышательные коррективы и к этому, повышенному сверх плана, уровню цен обобщественной торговли несмотря на значительное сокращение удельного веса частной розницы.

Каков удельный вес 1 и 2 причины? В известной мере об этом свидетельствует следующая таблица:

Темп повышения розничных индексов в 1928/29 г.
(среднее за 9 мес. 1928/29 г. в % к тому же периоду 1927/28 г.)

	Общего	По сел.-хоз. тов.	По промтов.
Темп повышения среднего по обоим видам торговли уровня розничных цен	+ 5,9	+ 13,8	+ 1,6
Темп повышения цен обобщественной розницы	+ 3,3	+ 7,0	+ 1,2
Разница, возникающая благодаря более высокому темпу роста цен частной торговли	+ 2,6	+ 6,8	+ 0,4

Таким образом, по грубому подсчету (учитывая удельный вес обобщественной розницы) очень значительная часть сумм, переплаченных потребителем благодаря повышению цен в „розничной торговле“ (что не исчерпывает, конечно, всех покупок потребителя) падает на долю переплат обобщественной рознице. Рост общего уровня розничных цен в значительной степени вызван повышением цен на сел.-хоз. товары в обобщественной рознице. Это повышение сверх плана началось с заготовительного звена; так, по данным Наркомторга, общий плановый заготовительный индекс в 1928/29 г. оказывается выше прошлогоднего примерно на 10%, при предполагавшемся по плану росте его на 6%, при чем по хлебным товарам рост оказался на 20,5% против плана на 16,5%, особенно же повысились цены, против плана, по линии животноводческих продовольственных товаров: так, по яйцам этот рост выразился в 13,5%, по молочным даже — в 17,5%, по мясу — в 2%. Всего суб-индекс животноводческих продовольственных товаров повысился на 10%, при предполагавшейся по плану его стабильности; индексы цен сырья превысили план также на 1%.

Это превышение плановых предположений по заготовительному индексу передалось и на оптовый сел.-хоз. суб-индекс (прирост на 8,9% против 6,1% по плану). Таким образом, и заготовительный индекс и оптовый сел.-хоз. суб-индекс превысил план на 4% и на 3%.

Это 10% повышение заготовительного индекса докатилось до потребителя в виде 7% повышения розничных цен на сел.-хоз. товары в обобщественной торговле. Особенно повысился уровень цен обобщественной торговли во всех звеньях, по группе молочных товаров (это имеет особое значение в связи с прогнозом состояния молочного рынка на 1929/30 г.) В общем, разница в % средних за 9 мес. 1928/29 хоз. года, к 9 мес. 1927/28 хоз. года розничных индексов Конъюнктурного института обобщественной торговли, по группе хлебных составила 7% (несмотря на директиву о крайне незначительном повышении розничных хлебных цен), по мясным 5, по овощам 5,9, по молочным 17,2.

Перейдем к динамике цен частного сел.-хоз. рынка.

В среднем цены частного заготовительного рынка за 1928/29 сел.-хоз. год, в отношении среднего уровня 1927/28 сел.-хоз. года,

повысились, примерно, на 35% (в том числе по хлебу на 100—115%), что при росте цен плановых заготовителей на 10% должно было привести к повышению общего среднего (общеторгового) заготовительного индекса на 18—20%.

О динамике заготовительных цен частного рынка дает известное представление динамика базарных цен ЦСУ. Так, разница в %/о цен 1928/29 сел.-хоз. года к ценам 1927/28 сел.-хоз. года выявляется в следующей таблице:

	Рожь	Ржаная мука	Пшеница	Овес	Сено	Картофель	Масло ко- ровье то- пленое	Яйца
Производ. полоса РСФСР	+128,6	+108,3	+66,8	+51,4	+24,1	+51,6	+25,4	+17,5
Украина	+146,1	+162,6	+154,9	+56,4	+53,4	+76,5	—	—

Эта динамика отражается и частно-торговым розничным индексом Конъюнктурного института. Так, разница среднего его урожая за 9 месяцев 1928/29 хоз. года к 9 месяцам 1927/28 хоз. года составляла 47,1%, по хлебным 90,1%, по молочным 33,7%, по овощам 20,9%, по мясным 19,9%.

Разрывы базарных и плановых заготовительных цен, особенно хлебных значительно возросли, достигли в 1928/29 г. огромных размеров; так, в III квартале хоз. года в ряде районов базарные хлебные цены были в среднем в 4—4,5 раза выше заготовительных. Этот огромный разрыв (несмотря на значительное повышение плановых заготовительных цен) имеет тем большее значение, что в 1928/29 г. размеры „вольного“ отчуждения были несколько выше, чем в 1927/28 г. (данные ЦСУ).

Огромные размеры принял межрайонный разрыв базарных цен. Так, по ржаной муке разница в ценах между потребляющей и производящей полосами РСФСР составляла 113%, что содействовало спекуляции хлебом.

Таким образом, сел.-хоз. рынок дал значительное повышение цен.

В значительно меньшей степени возросли цены и на рынке промтоваров — в обобществленной рознице на 1,4%, в частной на 9,5%, а всего на 2,0%. В опте цены на промтовары остались стабильными.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, следует, что плановые предположения в области цен были заметно изменены в связи: 1) с повышением плановых заготовительных цен на хлебофураж и овощи сверх плана, 2) с значительным повышением плановых заготовительных цен на продукты животноводства; 3) с огромным ростом частных цен на все продовольственные товары,

перекрывшим снижение удельного веса частной торговли по ряду сел.-хоз. товаров; 4) с соответствующим влиянием транспортных расходов и акцизов на торговую наценку обобществленной торговли.

В результате, рабочий потребитель вынужден был (если отбросить удорожание коммунальных услуг) увеличить свои расходы на приобретение товаров согласно бюджетному индексу на 7,5%, при чем по сел.-хоз. товарам рост расходов оказался значительно выше этой цифры.

Это повышение розничных цен сказалось на реальной зарплате, оставшейся (отвлекаясь от прироста реализации госзаимов и ухудшения качества продукции) в среднем в 1928/29 г. почти на уровне прошлого года.

Отмеченные сдвиги, происшедшие в системе цен, против плановых предположений не могли не оказать своего влияния на процесс воспроизводства.

Влияние повышения цен сказалось на процессе накопления в промышленности: намечавшаяся по плану разница между отпускными ценами и себестоимостью, в результате девятимесячной работы, промышленностью не была достигнута.

Эта разница между отпускными ценами и себестоимостью составляет пока, по крайне предварительным данным, на протяжении трех кварталов около 3—4% вместо 6%, (7% снижения себестоимости и 1% снижения цен), что уже на протяжении указанного периода дает приблизительно на 200 млн. руб. уменьшение суммы накопления. По данным за первое полугодие разница составила всего около 2%. Эта сумма в 200 млн. руб. останется, очевидно, действительной для всего 1928/29 г.

Это отступление от плана объясняется, в основном, двумя причинами — влиянием 1) ценовых факторов и 2) организационных факторов.

Не отрицая огромной роли последних, следует отметить, что помимо влияния повышения цен сел.-хоз. сырья (кстати ухудшение качества сырья являлось в известной мере замаскированным дополнительным повышением цен), сравнительно высокий уровень номинальной заработной платы против плана, и в значительной степени соотношение номинальной заработной платы и производительности труда объяснялось высоким уровнем розничных цен.

Влияние ценовых факторов на промышленность было на деле несколько большим, чем это следует из вышесказанного, потому что в некоторых случаях достигаемый уровень снижения себестоимости покупался ценой снижения качества продукции.

Таким образом, изменения в системе цен, по сравнению с планом, действовали в сторону некоторого, правда, незначительного снижения того темпа накопления промышленности, который намечался по плану, хотя, в основном, намеченный темп накопления был достигнут.

Более значительным было влияние изменений в системе цен на сел.-хоз. производство. Прежде всего, рентабельность всего сел.-хоз. производства в денежном выражении заметно возросла. При этом дополнительно возросла (сверх предполагавшегося роста по плану) относительная рентабельность зернового хозяйства и картофелеводства. В среднем цены на хлеб повысились (учитывая и цены вольного рынка), примерно, на 40%. Эту тенденцию отмечают и „Крестьянские индексы“ Конъюнктурного института, согласно которым конкурентоспособность пшеницы (т.-е. отношение индекса пшеницы к общему индексу цен отчуждаемых сел.-хоз. товаров) повысилась в III квартале 1928/29 г., по сравнению с III кварталом 1927/28 г., по южной Украине на 28%, Северному Кавказу — на 31%, Западной Сибири — на 28% и т. д.

Это повышение конкурентоспособности хлеба и картофеля (при росте рентабельности сельского хозяйства в целом) произошло за счет ряда других сел.-хоз. товаров. Так, снизилась конкурентоспособность некоторых технических культур (свеклы, пеньки и др.).

По Украине конкурентоспособность свеклы упала в 1928/29 сел.-хоз. году на 35%. Индекс цен свеклы составлял в 1928/29 г. лишь 46% к общему индексу, реализуемых сел.-хоз. товаров, а на 1/VII—1929 г. даже 36% по Украине и 27% по б. Курской губернии.

В то же время, индекс картофеля в б. Курской губернии составлял 158% к общему индексу, превышая индекс свеклы в 6 раз (по Украине он превышал его в 2,5 раза).

В результате, несмотря на всю относительность влияния цены свеклы на ее производство (значение снабжения, контрактации, налогов, кредита и т. д.), этот разрыв цен был так велик, что производство свеклы в 1928/29 г. сократилось, в основном, под влиянием ценового фактора.

В том же направлении действовал ценовой фактор в некоторых районах по линии продуктивного животноводства, отражая состояния рынка кормов (снабжение кормами идет, в основном, по линии внутридеревенского оборота и потому стихийные факторы здесь имеют большое значение). Так, согласно „Крестьянским индексам“, индекс молока в Зауралье составлял лишь 67% к индексу цен на корма в Западной Сибири 74%. В Зауралье конкурентоспособность молока понизилась на 15%. Подсчеты ЦСУ (эквиваленты мяса и скота в частных ценах на зерно) также резко подчеркивают эту тенденцию.

Чрезвычайно характерно положение со льном. Огромный рост частных цен на хлеба и картофель должен был, казалось бы, снизить рентабельность льноводства, однако, плановое снабжение льноводов хлебом по твердым ценам повысило рентабельность льноводства, поскольку природные условия льноводных районов принижали роль хлеба, как конкурирующего продукта (здесь играют роль не заготовительные, а реализационные цены на хлеб). Улучше-

ние положения со льном в значительной степени отражало эти рыночные условия (хлеб играл роль „мерила ценности“ льна). Таким образом, плановое начало одержало здесь значительную победу.

В общем, динамика частных цен внесла известные коррективы в ту систему конкурентоспособности отдельных культур, которая была намечена по плану. Сокращение посевов свеклы и неблагоприятные тенденции в области молочного хозяйства в известной мере отражают этот момент.

Перейдем к вопросу о соотношениях цен на пром. и сел.-хоз. товары.

Изменение в соотношениях розничных цен на промышленные и заготовительные цены на отчуждаемые сел.-хоз. товары, имевшее место и в 1927/28 г. и резко проявившееся в 1928/29 г., означает значительное изменение раствора „ножниц“.

Если раствор „ножниц“ между розничными ценами на промтовары обобществленной торговли и заготовительными ценами плановых заготовителей („ножницы“ в пределах обобществленного сектора) составлял в 1926/27 г. 145—150, то в 1927/28 г. он сократился до 130—133, а в 1928/29 г. уже не превышал 120—121.

Еще более резкая картина получается при учете цен частного рынка, т.-е. при сопоставлении общеторговых индексов, а не только индексов обобществленной торговли (данные об общем заготовительном индексе являются сугубо ориентировочными).

В 1926/27 г. раствор „ножниц“ равнялся 150—155, в 1927/28 г. 130—135, а в 1928/29 г. уже только 112—116 (общеторговый заготовительный индекс принят для 1928/29 г. в 180, что, очевидно, дает даже преуменьшение, по сравнению с фактическим положением).

Темп сжатия раствора „ножниц“ является очень быстрым, превосходя плановые предположения. Так, для 1928/29 г. раствор „ножниц“ намечался Наркомторгом в 130. Это обстоятельство имеет огромное значение, поскольку разница в 10—15% здесь означает сотни миллионов рублей, размещаемых вопреки плану. Особенно учитывая способ сжатия раствора „ножниц“ (значение — роста базарных цен).

Чрезвычайно характерным является сопоставление достигнутого раствора „ножниц“ с предположениями пятилетки. По оптимальному варианту в 1929/30 г. раствор „ножниц“ должен был равняться 125—128, т.-е., по крайней мере, на 10 пунктов выше фактического раствора 1928/29 г. В 1932/33 г. раствор должен быть равен 106—107, т.-е. всего на 5—10 пунктов ниже 1928/29 г. Это также свидетельствует о чрезмерно быстром темпе сжатия „ножниц“, имевшем место в 1928/29 г.

Следует отметить, что фактический раствор „ножниц“ в 1928/29 г. был даже ниже 112—116, вследствие того, что в качестве довоенной базы взяты по существу цены не непосредственных заготовок от крестьянина на селе, а включающие и тор-

говые накладки в то время, как современные заготовительные индексы оперируют с ценами, более близкими к непосредственному отчуждению, иными словами, уровень довоенных цен несколько преувеличен по сравнению с современным.

Учитывая, кроме того, некоторое преуменьшение фактического уровня заготовительных цен заготовителями, некоторых животноводческих товаров, имеющее место в последние годы, следует полагать, что фактический раствор „ножниц“ уже в настоящее время, вероятно, не превышает 105—107.

„Крестьянские индексы“ Конъюнктурного института также выявляют процесс сближения „ножниц“.

Согласно „Крестьянским индексам“ в среднем на 1928/29 сел.-хоз. год по ряду районов, а на 1/VII—29 г. даже по всем 8 районам уже образовались „обратные ножницы“. Поскольку „Крестьянские индексы“ переоценивают удельный вес вольного хлебооборота, они преувеличивают темп повышения сел.-хоз. индекса. Фактически „обратные ножницы“, конечно, не являются общим правилом. Однако, тенденция сжатия „ножниц“ выявляется „Крестьянскими индексами“ правильно.

Приведем следующую таблицу „ножниц“ по „Крестьянским индексам“:

	Север. Кавказ	Южн. Украина	Правоб. Украина	Вост. Зауралье	Западн. Сибирь	б.Курск. губ.
1927/28 сел.-хоз. год . .	126,6	112,4	151,5	138,9	109,9	169,5
1928/29 „ „ „ . . .	089,3	076,3	107,5	102,0	096,2	114,9
1/VII—29 „ „ „ . . .	058,5	065,8	090,9	070,9	076,3	059,5

Наиболее резко выявился процесс сжатия „ножниц“ на частном рынке. Поскольку цены частного рынка чутко улавливают рыночную конъюнктуру и поскольку наиболее острое напряжение наблюдалось на рынке сел.-хоз. товаров, а не промтоваров, цены на промтовары на частном рынке поднялись значительно меньше, чем на сел.-хоз. товары, в результате чего на частном рынке резко обозначились „обратные ножницы“. Эти „обратные ножницы“ приблизительно характеризуют ту систему цен, которая сложилась бы при развязывании частного оборота и ее роль в процессе распределения ресурсов в стране. „Обратные ножницы“ частного рынка содействовали „раздвоению“ рынка при хлебозаготовках когда верхушка деревни предпочитала, уклоняясь от промтоваров, получаемых в кооперации в обмен за хлеб, приобретать промтовары у частника, отчуждая на частный рынок хлеб по крайне высоким ценам.

В IV квартале 1928/29 сел.-хоз. года эти „ножницы“ (полученные от деления индекса частно-лавочной торговли по промтоварам на базарные индексы по сел.-хоз. товарам, по децентрализованному индексу ЦСУ) были следующие:

СССР	Украина	Сев. Кавказ	Сибирь	Урал	ЦЧО	Зап. обл.
0,695	0,620	0,563	0,837	0,571	0,472	0,903

Итак, значительный и при этом неравномерный рост цен в 1928/29 г. представлял собой заметный фактор перераспределения дохода, действуя в сторону: 1) снижения роста материального уровня бедноты деревни и лиц наемного труда (покупка сел.-хоз. товаров), 2) добавочного прироста денежного дохода зажиточной и середняцкой деревни, 3) добавочного поступления денежных сумм в торговый аппарат, приведшего к росту сверхприбыли оставшегося частника, при чем этот добавочный прирост в обобществленной торговле перешел в бюджет (акциз, доход транспорта и т. д.) при росте торговой накладки.

Добавочный прирост денежных доходов при недостаточном развитии государственного кредита в деревне, несомненно, привел к добавочному, против плана, спросу деревни на промтовары (несмотря на значительный рост их потребления деревней); верхушка деревни не могла производительно использовать денежных накоплений, которые в известной мере давили на рынок и служили орудием спекулятивных операций.

Ориентировочный подсчет перераспределения дохода, благодаря росту цен (отвлекаясь от прочих факторов распределения), говорит о следующем.

Прирост денежных доходов середняцкого и кулацкого крестьянства от повышения цен по реализуемой сел.-хоз. продукции на внедеревенский рынок составляет от 500 до 550 млн. руб., из них от 320 до 350 млн. руб. падает на отчуждение на частный рынок и около 180—200 на обобществленный (из расчета, проведенного по отдельным товарам и районам согласно которому, в общем, около 40% товарной массы было реализовано на частный рынок). Эти 500—550 млн. руб. распределяются следующим образом: на хлеб приходится около 270—300 млн. руб. На животноводческо-продовольственные около 30 млн. руб. (здесь положительную роль сыграло повышение удельного веса обобществленной торговли), на сырье около 20—30 млн. руб. на прочие (кроме охоты, лесных доходов и рыболовства) около 180—200 млн. руб. (сено, овощи, фрукты и т. д.).

Около 75—100 млн. руб. осело в сохранившемся частном торговом аппарате по торговле сел.-хоз. товарами (общий фонд доходов частной торговли, разумеется, мог при этом сократиться).

Прирост цен на промтовары составляет около 250—275 млн. руб., при чем основная масса этого прироста была поглощена бюджетом по линии акцизов и промналога, некоторая сумма в 25—30 млн. руб. осела в оставшемся частном аппарате по реализации промтоваров.

Повышение цен, в общем, перераспределило (помимо внутридеревенского оборота) около 850—900 млн. рублей. Эта сумма была уплачена более, чем наполовину, рабочими и служащими (главным образом по линии сел.-хоз. товаров), около 80—100 млн. руб. уплачено крестьянством по промтоварам (внутридеревенский оборот

исключен), остальная сумма падает на прочих потребителей, в том числе и промышленность по линии закупки сырья.

Средняцкое и кулацкое крестьянство (в подавляющем большинстве производящих районов) выиграло от роста цен от 400 до 450 млн. руб. (500 или 550 млн. руб. минус 80—100 млн. руб., возвращенных за промтовары), частный торговый аппарат около 100 млн. руб.

Остальная масса (из 750—800 млн. руб., а не из 850—900 млн. руб., поскольку 100 млн. руб., возвращенных деревней по линии промтоваров нужно вычесть для получения сальдо), в основном, непосредственно перешла в бюджет.

Помимо того, сдвиг в области цен по хлебофуражу не мог не сказаться на пропорциях обмена по линии внутридеревенского оборота. Беднота в целом, несомненно, передала зажиточной части деревни и отчасти и середнякам производящих районов значительное добавочное количество благ, в том числе и в натуральной форме. Крайне приблизительные подсчеты в этой области говорят о сумме от 100 до 150 млн. руб. Это обстоятельство отнюдь не исчерпывает прихода-расходного баланса бедноты, расширившей в текущем году свое производство. Потеря на ценах является лишь одним элементом этого баланса.

Таким образом зажиточные (не середняцкие) слои деревни использовали конъюнктуру в целях накопления и усиления эксплуатации.

Значительный рост цен на сел.-хоз. товары, таким образом, действовал в сторону перераспределения народного дохода в ущерб рабочим и служащим, поглотив в значительной мере прирост номинальной заработной платы.

Весь фонд денежных доходов наемного труда возрос в 1928/29 г., примерно, на 14% (при росте месячной номинальной зарплаты на 1 рабочего на 9,5%). Доход всего города возрос на 12%. Номинальный доход земледельческого населения возрос, приблизительно, на 16%, а если учесть значительный прирост поступлений от неземледельческих заработков (от строительных работ, лесных работ, от отхожего промысла) составляющий около 20—22%, то весь прирост дохода деревни будет, вероятно, не меньше 18%. При этом следует иметь в виду, что покупательная сила „крестьянского рубля“ изменилась значительно меньше покупательной силы „рабочего рубля“ (крестьянство, в среднем, покупает, в основном, промтовары, а город—сел.-хоз. товаров больше, чем промтоваров). Таким образом, динамика реального потребления промтоваров в деревне, в среднем, была значительно благоприятнее, чем городских рабочих и служащих, особенно, если учесть очень значительное по сравнению с деревней повышение в 1928/29 г. доли города и лиц наемного труда в займах и налогах, удорожание коммунальных услуг и т. д.

В общем, крестьянство потребило в 1928/29 г. промтоваров почти на 500—600 млн. руб. больше, чем в 1927/28 г., удельный вес

деревни в потреблении промтоваров возрос — он равен, примерно 55—60%. Значительно возросло душевое потребление промтоваров деревней. Особенно оно возросло в восточных районах, в связи с премированием хлебосдатчиков, где временами наблюдалась даже заметная заминка в их сбыте.

Между тем, в городе в 1928/29 г. общее на все население потребление промтоваров в натуре возросло всего на 100—150 млн. руб., а по другим данным почти стабилизировалось.

Таким образом, прирост продукции промтоваров широкого потребления был поглощен в основном деревней.

Вместе с тем, подсчеты баланса спроса и предложения отмечают значительное возрастание неиспользованных денежных остатков деревни, прирост по которым, по некоторым данным, равен 250—300 млн. руб. (в городе они примерно стабилизировались). Ряд подсчетов приводят к цифре в 1 млрд. руб. суммы денежных остатков деревни (на руках в виде дензнаков), что составляет, несомненно, относительно, значительный процент к доходу и оказывает свое влияние на состояние рыночного равновесия.

Следует подчеркнуть относительность приведенных подсчетов. Однако, тенденция уловлена ими правильно.

Таким образом, вопреки утверждениям правых в истекающем году имело место значительное рыночное стимулирование середняцких хозяйств. Установка правых на дополнительное рыночное стимулирование всей деревни (в частности установки на дальнейшее повышение цен на сел.-хоз. товары), приобретает исключительно опасный характер в свете имевшего место спекулятивного обогащения деревенской верхушки.

В общем, данные текущего года, выявляют некоторое различие итогов процесса распределения по линии распределения средств производства и связанного с ним производительного накопления, с одной стороны, по линии распределения средств личного потребления и их потребления с другой стороны и по линии распределения денежных ресурсов и их накопления с третьей стороны.

В общем и целом, весь процесс распределения проходил в условиях осуществления быстрого темпа индустриализации и обобществления, однако, на этом фоне имелись кое-где более или менее заметные отклонения от плана распределения между различными группами населения.

В отношении средств производства имел место процесс несомненного значительного их роста в обобщественном секторе (промышленность, транспорт, сельское хозяйство), значительный рост их использования у некапиталистических элементов деревни, что и нашло свое отражение в значительном темпе производительного накопления у обобщественного сектора и у некапиталистических слоев деревни, расширивших свое производство, на общем фоне расширенного воспроизводства

в стране в целом. Наоборот, у капиталистических элементов, несомненно, имел место процесс суженного воспроизводства. Этот сдвиг в распределении средств производства и в размещении производительного накопления, составляющий базу для развития классовых взаимоотношений в стране, свидетельствует, между прочим, и о соответствующей высокой роли планового начала в этой ведущей области. Концентрация в руках государства подавляющей массы нового оборудования, твердая классовая система его распределения и, наконец, соответствующая социально-политическая обстановка в деревне привели к этим социальным итогам в области производительного накопления.

На ряду с очень значительным приростом производства средств производства, текущий год дал заметный рост производства предметов личного потребления и их реализации на широком рынке.

Благодаря тому, что обобществленный сектор не занимает такого доминирующего положения в области производства средств потребления, по сравнению с областью производства средств производства (особенно это относится к продовольственной отрасли), отклонения от плана, в условиях рыночного напряжения, здесь более или менее заметно проявились.

Это отклонение выявилось в сдвиге в ценовых пропорциях обмена в пользу производителей продовольственных товаров в ущерб их потребителям, основной массой которых является пролетариат и беднота деревни. Естественно, что эти ценовые сдвиги привели к перераспределению денежных ресурсов, по сравнению с планом, привели к значительному поступлению денежных сумм, между прочим, и к зажиточным кругам деревни, что сыграло свою роль несмотря на тенденцию к уменьшению их дохода от сокращения производства и к сохранившемуся (легальному и нелегальному) частному торговому аппарату.

Поскольку этот прирост денежных ресурсов к капиталистическим элементам не нашел применения в области средств производства, он мог быть использован для спекулятивных операций для, операций на фондовом рынке (что и имело место) и в попытках значительно увеличить долю в потреблении за счет трудовых слоев.

Однако, вмешательство государства внесло существенный корректив в эту ситуацию путем установления системы планового снабжения населения рядом предметов широкого потребления. Система нормированного снабжения внесла существенную поправку к ценовым сдвигам, которые без применения этой системы привели бы к такому перераспределению дохода, которое было бы уже несовместимо с взятым темпом индустриализации и вызвало бы общехозяйственный кризис.

Вышеприведенные в данной статье итоги влияния цен на процесс распределения имели место даже при действии этой системы;

нормированного снабжения, — естественно, что при ее отсутствии картина была бы несравненно более отрицательной.

Таким образом, нормированное снабжение на данной стадии, неизбежно опирающееся, в свою очередь, на систему заготовительных мероприятий, сводящихся к стеснению отчуждения на частный спекулятивный рынок и форсированию реализации их плановым заготовителем — это нормирование снабжения явилось орудием классовой самозащиты пролетариата от враждебных стихийных тенденций, в значительной мере предохраняя трудящихся от результатов повышения цен, стремясь перенести переплату по ценам на нетрудовые элементы.

Выступление правых элементов против системы классовых мероприятий по линии заготовок — снабжения, их требование развязывания частноторгового оборота привело бы (помимо непосредственного социального эффекта) к огромному росту цен на сел.-хоз. товары и бюджетного индекса (резкое увеличение доли частного благодаря разрыву цен) и, следовательно, к такому перераспределению ресурсов, который вызвал бы срыв наших планов. Наша экономическая политика пошла не по пути наименьшего сопротивления, не по пути подчинения рыночной стихии, — и план был в основном осуществлен.

Итак, следует подчеркнуть, что социальные итоги в области производительного накопления, личного потребления и денежного накопления оказались несколько различными (второй и третий моменты оказались относительно менее благоприятными по итогам, в социальном отношении). Этот разрыв оказался отнюдь не такого размера, чтобы привести к хозяйственному кризису, сорвать намеченные темпы. Однако, он требует к себе усиленного внимания и должен быть предметом тщательного изучения при составлении и осуществлении плана 1929/30 г.

Отвергая троцкистские установки наше планирование на 1929/30 г. должно учесть классовые итоги ценовых сдвигов, решительно преодолевая правые оппортунистические теории.

Необходимо (отнюдь не ценой отказа от взятых темпов индустриализации и обобществления, но путем их дальнейшего форсирования) посредством системы плановых мероприятий, привести в большее соответствие производительное накопление, потребление и денежное накопление. Это достижимо путем повышения удельного веса пролетариата и бедноты в потреблении (при абсолютном росте потребления всех основных масс деревни), путем системы кредитных, бюджетных и других финансовых мероприятий. Естественно, что эта система мероприятий не должна идти в разрез с взятой установкой на стимулирование середняцких слоев деревни.

Из вышесказанного следует, что элементы планирования хозяйственных процессов в их натуральном выражении уже колоссально возрастают. Достаточно привести пример роли натурального

премирования сдатчиков хлеба. Момент планового снабжения промтоварами играет сейчас, несомненно, большую стимулирующую роль в отношении сел.-хоз. заготовок, чем повышение цен. Огромное значение приобрело нормированное снабжение рабочих и служащих сел.-хоз. и промтоварами, рост снабжения продовольственными товарами бедноты. Наконец осуществление продуктообменных операций при контрактациях (система заказов на промтовары).

Остающееся еще чрезмерное отставание сельского хозяйства настойчиво требует, помимо системы мероприятий по его изживанию, также и твердого выполнения системы планового снабжения. Совершенно бесспорно, что проблема реальной заработной платы сейчас упирается именно в вопрос о степени развертывания системы нормированного снабжения. На 1929/30 г. требуется гигантская борьба за снабжение рабочего потребителя, требуются огромные сдвиги в обобществлении рынка продовольственных товаров, в значительном усилении планового регулирования заготовок не только хлебных, но и других, в том числе и животноводческих, в ограничении спекуляции и в развертывании контрактации в этих отраслях. Одновременно необходима (к этому уже приступили) огромная работа по под'ему животноводства, огородничества бедняцко-средняцких хозяйств и их коллективизации, создания соответствующих крупных государственных хозяйств. Проблема организации распределения продовольственных продуктов является основной для под'ема реальной заработной платы. От разрешения этой проблемы зависит и уровень цен (в связи с изменением весов обобщественного сектора).

Следует помнить, что недостаточность планового снабжения рабочих могло бы свести на-нет или ослабить эффект не только роста номинальной зарплаты, но и снижение цен.

Поскольку цена наиболее подвержена влиянию стихийных тенденций (хотя, в основном, она уже является формой проявления народнохозяйственного плана), требуется все большее сближение политики цен с системой планового снабжения, вносящего свои классовые коррективы.

С другой стороны, необходимо идти по пути развертывания системы дифференцированных цен, по линии реализации (продажа товаров по разным ценам — различным группам), поскольку система планового снабжения позволяет это осуществить. Таким образом, будет внесен (это уже было осуществлено по линии хлебной торговли) плановый классовый корректив в отношении возможных стихийных сдвигов в пределах самой системы цен. Плановое начало, начало соответствующего классового распределения дохода будет, таким образом, значительно усилено. Необходимо изучить вопрос о возможности применения дифференцированных цен и по линии сел.-хоз. заготовок (в связи с большим удельным весом контрактации).

Подводя общие итоги следует отметить, что сдвиги, происшедшие в 1928/29 г. в области цен, имея ряд неблагоприятных послед-

ствий, о которых выше шла речь (распределение дохода, покупательная сила рубля, ухудшение условий производства для некоторых отраслей сельского хозяйства), отнюдь не привели к срыву намеченных планов индустриализации и обобществления.

Цена не представляет собой чего-то внешнего для процесса воспроизводства в наших условиях, а является его неотъемлемым атрибутом. Если при этом в истекающем году имел место процесс расширенного воспроизводства и в промышленности и в сельском хозяйстве, с значительным темпом роста социалистического накопления в условиях сохранения необходимого для этого относительного равновесия, то это тем самым означает, что в основе „обмена веществ“ в общественной системе, осуществляемого, в основном, через рынок и ценовые пропорции, и в текущем году оставался народнохозяйственный план. Итоги года свидетельствуют о значительной победе планового начала, действовавшего в тяжелых условиях чрезмерного отставания сельского хозяйства и рыночного напряжения.

Общие перспективы продовольственного баланса на 1929/30 г. говорят о возможности значительного разрыва цен обобщественной и частной торговли, особенно по животноводческим товарам. Отсюда вытекает задача максимального ограждения рабочих, служащих и бедноты деревни от воздействия частного рынка. Должна быть осуществлена жесточайшая плановая дисциплина по линии цен обобщественной розницы. Требуется широчайшее развертывание общественной инициативы по линии сокращения издержек обращения и торговых накидок. Необходима решительная борьба со всякого рода скрытым повышением цен, в частности, улучшение качества продукции.

Необходимо добиться, фактического снижения отпускных цен по отдельным товарам группы „Б“, особенно учитывая значительный процент снижения себестоимости, намечающийся в 1929/30 г. (около 11%). По группе „А“ требуется точное выполнение намеченного пятилеткой снижения цен. При чем, здесь требуется дифференцированный подход в зависимости от степени реализации того или иного товара из группы „А“ на широком рынке и в зависимости от реализации его тем или иным группам населения. Дифференцированный подход требуется, в особенности в отношении товаров группы „Б“. Необходимо добиться наиболее заметного снижения цен при реализации рабочим и низшим служащим. Следует помнить, что стабилизация уровня розничных цен обобщественной торговли в пределах 1929/30 г. означает повышение их по сравнению с средним годовым уровнем 1928/29 г.

Уровень цен плановых заготовителей в настоящих условиях является достаточно стимулирующим сельское хозяйство (учитывая специфические условия обмена в советских условиях и темп сближения „ножниц“ в истекшем году).

Необходимо во что бы то ни стало сохранить этот общий уровень от повышения, вместе с тем, внимательно следя за динамикой конкурентоспособности отдельных сел.-хоз. товаров.

Специфические особенности цены в условиях СССР (о чем было сказано в начале статьи) позволяют и в условиях неперменной конъюнктуры запроектировать на 1929—30 г. (учитывая его особенности по сравнению с истекающим годом) снижение общего уровня цен и значительное повышение реальной заработной платы.

Следует резко подчеркнуть имевшие место в 1928—29 г. неблагоприятные моменты в распределении дохода между классами, что должно и может быть исправлено в условиях наступающего года.

В итогах истекающего года резко выявилось тем самым, что явно оппортунистические утверждения и установка правых в области распределения народного дохода и политики цен оказались совершенно разбитыми в свете реальных фактов. Всякие попытки протасовать в той или иной форме эти установка должны получить жесточайший отпор при установлении и осуществлении контрольных цифр будущего года.

Перспективы форсированного темпа обобществления оборота сел.-хоз. товарами на 1929—30 г., перспективы снижения отпускных цен, применение развернутой системы дифференцированных цен — в условиях твердого осуществления классового нормированного снабжения позволяют запроектировать и осуществить в предстоящем году снижение бюджетного индекса на 4⁰/₀.

Значительное повышение удельного веса обобщественной торговли должно привести к снижению среднего (по всем видам торговли) заготовительного и розничного индексов даже при возможном росте цен частного рынка.

Необходимо и возможно осуществить снижение цен обобщественной розницы как по сел.-хоз. товарам (овощам в первую очередь) так и по промтоварам.